

Всхлипывания, которые Марсия время от времени издавала с тех пор, как Грант засунул свой член ей в рот, перешли в громкий стон-не столько от боли (хотя и немного от нее), сколько от нового ощущения присутствия мужского члена в самом чувствительном месте ее тела. Но Грант не был полностью лишен благопристойности и сочувствия: его вход был достаточно мягким и нежным, и он исследовал только первые несколько дюймов ее влагища, массируя ее грудь и ягодицы.

Забавно было то, что, несмотря на ощущение насилия, которое, как ей казалось, она должна была почувствовать в этот момент, она почти инстинктивно подняла ноги и согнула колени, чтобы ему было легче войти в нее. Ее руки обвились вокруг его плеч, за неимением лучшего занятия. Она изо всех сил старалась чувствовать себя оскорбленной, но ощущения, пронизывающие ее тело, делали это крайне затруднительным.

Затем настал момент истины, и он прорвался сквозь преграду ее девственности.

Теперь она действительно издала резкий крик, потому что разрушение этой мембраны действительно причинило ей довольно сильную боль. И все же она обнаружила, что обхватив его бедра своими ногами, уменьшила боль, и она почувствовала трепет от того, что терлась своими икрами о его сильную, покрытую ямочками задницу. Грант, со своей стороны, покрывал поцелуями рот, щеки, глаза, шею и даже уши Марсии, безжалостно входя в нее.

Но это не должно было стать кульминацией.

После нескольких минут избиения он вышел без предупреждения. Марсия задохнулась от внезапного ощущения пустоты в своей киске и, казалось, не хотела отпускать его, отчаянно цепляясь за его руки. Но это было бесполезно, и он поднялся на ноги, глядя на ее распростертую фигуру с какой-то отеческой доброжелательностью.

- Он повернулся к Дженис.

Она не очень нравилась ему в те несколько раз, когда он видел ее раньше,—он откровенно признался, что ему нравятся большегрудые девушки,—но теперь он заметил, что в ее лице и фигуре есть какая-то утонченность и хрупкость, что вовсе не было неприятно. Она наблюдала за тем, как он лишает девственности Марсию, с безмолвным ужасом, и теперь, когда он подошел к ней, она попыталась уйти в себя, обхватив себя руками за живот, как будто это было своего рода прелюдией к ее волшебному исчезновению со сцены.

Но Грант ничего этого не хотел, и он опустился на колени и в мгновение ока стянул с нее ночную рубашку. Она все еще была в трусиках, но он избавился от них одним быстрым движением, а затем зарылся лицом в ее дельту—покрытую тонкими прядями светлых лобковых волос—просто чтобы убедиться, что она достаточно мокрая для предстоящей операции. Ему не нужно было беспокоиться: то, что он сделал с Марсией, несмотря на все ее возмущенное сочувствие к подруге, заставило ее промокнуть насквозь.

Через несколько мгновений он скользнул вверх по теперь уже лежащему телу Дженис, прижал ее протестующие руки к полу своими собственными и вошел в нее. Она тоже пронзительно закричала, хотя опять-таки не столько от настоящей боли, сколько от того, что чувствовала себя обязанной протестовать против этого несанкционированного вторжения в ее тело. На этот раз Грант не задержался слишком долго перед тем, как проткнуть ее девственную плеву, и когда он сделал это, она—как и Марсия—почувствовала некоторую боль и испустила вздох, а затем крик.

Грант протянул руки, чтобы посмотреть на нее сверху вниз—и мельком увидеть, как его член

входит и выходит из нее-с невозмутимым выражением лица кошки. Теперь она плакала, театрально причитая так, что Гранту показалось, что это очень похоже на старую поговорку: "мне кажется, леди слишком много протестует.- Но сейчас это не было его главной заботой; будучи заранее подготовленным Марсией (и, действительно, всем сценарием демонстрации своего великолепного обнаженного тела компании девушек), он был готов позвонить в колокольчик. Когда он начал всаживать в нее свое семя, Дженис смотрела на него широко раскрытыми от ужаса глазами. Станные сдавленные звуки вырвались из глубины ее горла, и он с немалым удивлением понял, что его кульминация вдохновляла одну из них.

Еще до того, как последние капли из его члена попали в ее киску, он поднялся с нее и оценил ситуацию. Марсия согнулась пополам и корчилась от боли, хотя не преминула заметить его нападение на Дженис. Другие девушки сидели неподвижно в ужасе и изумлении, хотя он с кривой усмешкой заметил, что одна из них осторожно протягивает руку под ночной рубашкой в определенном направлении.

Но если три оставшиеся ненасильственными девушки-Марджори, Сандра и его сестра Кэрри—думали, что кульминация Гранта положит конец их окаменевшей ситуации, то они глубоко ошибались.

По какой—то причине—то ли из-за огромного избытка тестостерона, то ли из-за заикленности на женской плоти, которая тянется с самого детства, - Грант обладал в высшей степени завидной способностью оживлять себя почти мгновенно после оргазма. Эта способность была настолько замечательна, что лишь немногие женщины-партнеры были способны угнаться за ним, даже те, кто предпочитал оставаться совершенно пассивными, подобно викторианским женам, которые откидывались назад и думали об Англии. Это было одной из причин, почему Грант прошел через столько женщин, одну за другой: мало кто из них смог удовлетворить его.

Так что теперь, когда он осматривал место преступления, его член сочился кровью и семенем, он обратил свое внимание на следующую жертву.

Марджори была следующей в очереди. Именно она нашла то, что Грант взял Марсию и Дженис, настолько захватывающим, что она стимулировала себя рукой. Хотя она никогда бы никому в этом не призналась, она была совершенно одурманена сексом, но слишком застенчива, чтобы сделать что-то с этим. Когда Грант посмотрел в ее сторону, она резко убрала блестящую руку с промежности и оглядела комнату в тщетной надежде на спасение; но на самом деле она была тайно взволнована, когда он схватил ее ночную рубашку и набросил ее через голову. Быть обнаженной перед мужчиной было одним из самых острых ее желаний, и теперь оно осуществилось.

Но она чувствовала себя обязанной хотя бы символически кивнуть своей скромности, сказав: "Нет, Грант, пожалуйста . . ."

Даже ей самой эти слова показались неубедительными, и Грант только улыбнулся уголком рта, когда его тело легло на нее сверху.

Марджори была значительно более хорошо одарена в области груди, чем Дженис, поэтому Грант провел довольно много времени, обнюхивая и разминая эти сочные шары, прежде чем подняться на нее. Когда его член приблизился к ее отверстию, она слабо попыталась оттолкнуть его от себя, но все это было бесполезно. Одним движением он глубоко вошел в нее, разорвав эту бедную оболочку так быстро, что Марджори едва почувствовала, как она вливается в пыль. Но необычное ощущение наполняющего ее большого мужского члена было таково, что она почувствовала потребность громко стонать, даже когда Грант наклеил свои

губы на ее.

Она тоже бессознательно обвила ногами его торс, когда он качал ее, и отчаянно вцепилась в него руками, которые обхватили его спину. Когда он переместил свои губы от ее рта к щекам и шее, а затем неожиданно вставил горячий язык в ее ухо, внезапный оргазм пронзил ее, и ее стоны превратились в нечто вроде сдавленного горла.

Но Грант не был готов во второй раз погрузиться в эту женщину, какой бы великолепной она ни была. В конце концов, некоторые из них все же существовали. предел его выносливости. Пospешно высвободившись из нее, к большому ее разочарованию и неудовольствию, он перешел к Сандре, которая смотрела на него с тупой напряженностью, которая показалась ему немного сумасшедшей. Она неподвижно сидела на своем спальном мешке, пока он стягивал с нее ночную рубашку, обнажая ее наготу. Чувствуя, что существует большая вероятность того, что она была достаточно влажной, он погрузился в нее, сломав ее девственную плеву без суеты и вызвав у нее только тяжелый стон.

Грант был поражен тем, насколько по-разному чувствовалась киска каждой девушки. Правда, все они были тугими, но каждая из них сжимала его член в уникальной индивидуальной манере; и, конечно же, общее ощущение и запах тела каждой девушки были очень отличительными. У Сандры, со своей стороны, был гордо пышный темный куст, который она отказалась брить, что Грант решительно одобрил.

Но после того, как он вонзился в нее на несколько минут, он вышел, не кончая.

Он подошел к своей кровати, где лежала его сестра.

Когда она подняла глаза со смесью волнения и отчаяния, Кэрри сначала посмотрела на его окровавленный член встревоженным взглядом, а затем всмотрелась в его лицо. - Грант, ты не должен, - тихо сказала она. -Это неправильно."

На это грант ничего не ответил, но с удивительной нежностью приподнял через ее голову ночную рубашку.

Грант никогда не видел свою сестру обнаженной, и он молча одобрил то, что увидел. С ее пышной грудью, широкими бедрами, стройными бедрами и довольно приятным лицом, он задавался вопросом, почему она оставалась настолько лишенной мужского общества. Любой парень нашел бы больше, чем его доля удовольствия в этом мягком, несколько пухлом теле. Но он знал, что она была довольно застенчивой, и тот факт, что она была также умна, как Галс, возможно, испугал бы средний класс школьников, которые глубоко возмущались тем, что девочка умнее их.

Именно Марсия в ужасе воскликнула: "О Боже! Он собирается сделать свою собственную сестру!"

Кэрри не сделала публичного признания в этом, но было совершенно очевидно, что она тоже была девственницей. Когда Грант тихо встал над ней, он положил руку на ее киску, раздвинув губы и находя удовлетворение в той влаге, которую нашел там. Это первоначальное нарушение табу (возможно, иррационального) заложило основу для того, что последовало дальше.

Словно в замедленной съемке, Грант опустился на Кэрри сверху, а она машинально раздвинула ноги, чтобы он мог поудобнее устроиться. Он обхватил ее лицо обеими руками, нежно поцеловал в губы, а затем—когда она подняла ноги и согнула колени в характерном приветственном жесте—вошел в нее.

Ее единственной реакцией было тихонько вздохнуть и закрыть глаза. Возможно, было бы слишком много говорить о том, что она жаждала этого момента с тех пор, как увидела своего брата обнаженным, но нельзя было отрицать, что она не возражала против того, чтобы он исследовал ее самые сокровенные уголки. Он накачивал ее нежно и нежно, и пока он делал это, он помнил очень много из их взаимодействий—смешных, разочаровывающих и нежных, как это может быть—возвращаясь к их детству.

Когда он кончил в нее, она крепко прижала его к себе, пока не прекратились его спазмы. Она уже приходила раньше, но старалась не показывать своего удовольствия—отчасти из-за смущения, отчасти из-за какого-то остаточного стыда.

<http://erolate.com/book/878/19739>